

- [15] Lepers E., Lambin E. F., Janetos A. C., Defries R., Archad F., Ramankuttty N., Scholes R. A. Synthesis of Information on Rapid Land-cover Change for the Period 1981—2000 // BioScience. February 2005. Vol. 55. N 2. P. 115—124.
- [16] Pascal J. P. Explanatory Notes on the Bioclimates of the Western Ghats. Pondichery, 1982. P. 2—4.
- [17] <http://www.geohive.com/default1.aspx>

Москва
nalex01@mail.ru
oxkl@yandex.ru

Поступило в редакцию
27 октября 2011 г.

Изв. РГО. 2012. Т. 144. Вып. 3

© Т. П. КАЛИХМАН

К 100-ЛЕТИЮ ПРИРОДООХРАНИТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

В Российской империи к концу XIX—началу XX в. была осознана необходимость активизации проведения мероприятий по охране природы в общегосударственных масштабах. В результате отмены крепостного права и реализации реформ П. А. Столыпина произошло резкое ускорение экономического развития, сопровождавшееся возникновением хуторского сельского хозяйства, переселением значительного числа людей в восточные районы страны, развитием качественно нового, использующего большое количество энергии и ископаемых ресурсов, промышленного производства. Стали заметны последствия интенсивных рубок лесов, чрезмерной добычи промысловых животных, усилившаяся эрозия почв в лесостепных и степных регионах вследствие расширения сельскохозяйственных площадей. Одним из самых значительных событий для развития природоохранной деятельности в России, в том числе для заповедного дела, стало создание 5 марта 1912 г. Постоянной природоохранительной комиссии при Императорском Русском географическом обществе. Это произошло благодаря многим предваряющим событиям и условиям.

Концепции природоохранной деятельности на рубеже XIX—XX вв. В этот период сформировались три подхода к природоохранной деятельности: утилитарный, культурно-эстетико-этический (в том числе сакральный), научный.

Утилитарный подход разделял все живые организмы на «полезные» и «вредные». В качестве примера использования этого подхода можно упомянуть принятый в 1892 г. закон об охоте в России, разрешавший неограниченный отстрел «вредных» животных — тигров, леопардов, волков, так как считалось, что эти хищники сокращают численность «полезных» для промысловой охоты видов.

Подтверждением этого же подхода стало принятие в октябре 1916 г. Государственной думой первого закона об охраняемых природных территориях, который предоставлял Министерству сельского хозяйства право учреждать охотничьи заповедники и управлять ими «для сбережения и размножения» дичи на государственных землях. Этот закон послужил основанием для приня-

тия первого государственного решения о создании Баргузинского охотничьего заповедника. Из 5 заповедников, существовавших в России в начале XX в., Баргузинский стал единственным заповедником, официально учрежденным правительством Российской империи [11, 14, 50, 51]. Кстати, слово *заповедник* по своему смыслу в то время означало «угодья для разведения дичи».

В это же время существовал *«прогрессивный» утилитарный подход*, корни которого уходят к московским зоологам 1850-х гг. и нигилистам последующих десятилетий [12]. Прогрессисты соединяли научные доктрины с утопическими взглядами на политику и мечтали о создании земного рая путем господства науки над природой. Тем не менее они также видели в сохранении природы только сугубо экономический смысл — получение доходов.

Параллельно в Германии и Швейцарии получил развитие иной подход к природоохранной деятельности — *«германский консервационизм»*, сосредоточивавшийся на культурных, эстетических и этических аспектах охраны природы. Этот подход был проникнут идеей неоромантизма, противостоянием новшествам и индустриализации, стремлением к возврату в пасторальный «золотой век». Благодаря этому новому направлению в природоохранной деятельности в разных европейских государствах начали возникать сходные организационные модели, формироваться государственные и неправительственные природоохранные организации: в 1903 г. в Саксонии и Тюрингии (комитеты по охране природы, искусству и развитию Отчизны), в 1906 г. в Пруссии (Государственная комиссия по охране памятников природы во главе с Г. Конвентцем), в это же время в Швейцарии (Народное общество охраны природы) [6] и др. Эти веяния получили распространение и в России.

Наиболее авторитетным из российских консервационистов начала XX в. был ботаник и вице-президент Императорской Академии наук И. П. Бородин. В 1910 г. на XII съезде естествоиспытателей и врачей в докладе «Об охране участков растительности, интересных с ботанико-географической точки зрения» он очень эмоционально пропагандировал дело охраны природы, призывал охранять «величественные храмы во славу природы и нации» и выполнять тем самым «наш нравственный долг». И. П. Бородин в деле сохранения природы отдавал предпочтение уникальным объектам, которые воспринимались им как «национальное сокровище», но не типичным экосистемам, более важным с точки зрения сохранения ландшафтного и биотического разнообразия. Речь И. П. Бородина была опубликована на следующий год под названием «Охрана памятников природы» [6]. Следует подчеркнуть, что вышеупомянутый Г. Конвентц — прирожденный пропагандист и оратор, пионер природоохранного движения, организатор пропагандистских поездок, музеев, журналов, создатель заповедников — в 1895 г. посетил Лесной институт и встречался с И. П. Бородиным, причем произвел на последнего неизгладимое впечатление. Позже в Берне Бородин скажет: «Тот, кто своим примером увлек двух здесь присутствующих представителей России, был профессор Конвентц» (цит. по [4]).

Таким образом, в дореволюционной России деятельность в области охраны природы содержала в себе значительный элемент эстетики. Он прослеживается в работе Уральского общества естествоиспытателей по сохранению Шарашских утесов от разработки там полезных ископаемых, а также Хортицкого общества охранителей природы, первого в Российской империи (Украина), по спасению живописных утесов на Днепре [7, 21].

Научный подход к охране природы сформировался к началу 1890-х гг. Существенные к тому времени знания в области агрономии, лесоустройстве, лу-

говом хозяйстве стали основой новой науки — фитосоциологии (теперь фитоценология), занимавшейся исследованием растительных сообществ. Представители этого природоохранного направления видели в нетронутой природе образец гармонии, целесообразности, продуктивности. В частности, они считали, что сельское хозяйство станет наиболее эффективным, если использовать закономерности существования нетронутых природных сообществ. Создание эталонов рядом с используемыми землями описано ботаником Н. И. Кузнецовым в 1890 г. [15]. Например, по результатам экспедиции, снаряженной Лесным департаментом в связи с засухой и голодом, говорилось о неправомерности замены больших пространств дикой степи возделанными полями, о необходимости развития в степных зонах естественных лугово-пастбищных угодий с сохранением нетронутых участков и восстановлением утраченных, а также о научно-практической значимости заповедных степных территорий [32, 33].

Предпосылки создания природоохранительной комиссии. В 1888 г. был принят новый Лесной устав, в котором определялось новое для того времени понятие о защитных лесах с особым режимом пользования. Такими лесами считались те, «безусловное сохранение которых оказывается необходимым в видах государственной или общественной пользы» [34]. Несмотря на появление этого закона, в середине 1890-х гг. научная общественность России еще не была готова к восприятию научного подхода в природоохранной деятельности. Но на рубеже веков активизировалось обсуждение проблем сбережения природных богатств и наиболее живописных и интересных уголков природы России. В частности, к вопросу о сохранении природы стали обращаться многие научные общества: в 1905 г. на заседании Московского Императорского общества испытателей природы один из основных докладов был посвящен охране природы; в 1907 г. на Акклиматизационном съезде в Москве вырабатывается программа сохранения памятников природы; в 1908 г. Балтийский исторический съезд посвятил особое заседание обсуждению той же проблемы; в 1909 г. Всероссийский охотничий съезд признал необходимым принять меры к охране природы; в 1909 г. на общем собрании Императорского Русского географического общества (ИРГО) говорилось о необходимости охраны природы России.

В 1903 г. впервые в истории природоохранной деятельности в России научный природоохранный подход (по прошествии 13 лет с момента его возникновения) был предложен московским зоологом, членом ИРГО Г. А. Кожевниковым [12], штатным профессором МГУ и директором зоологического музея [29, 47]. Следует сказать, что Кожевников не был новичком в природоохранном деле. Он уже познакомился с американскими национальными парками (в частности, посетил бостонский резерват Blue Hills), а будучи в 1907 г. в Германии — с работой Г. Конвентца по организации охраны изолированных природных территорий [22]. Хотя Кожевников небезосновательно отмечал, что впечатление от парков Германии может быть обманчивым, так как с научной точки зрения леса Германии лишились былой сложности и естественности, упростились состав биоты, появилось много искусственно привнесенных видов. Таких последствий он призывал избегать и считал возможным достижение понимания «биологического равновесия, господствующего в природе» [23, 24].

В 1905 г. Императорское Русское общество акклиматизации животных и растений отметило юбилейным собранием свое 50-летие. Как президент Общества, Г. А. Кожевников посвятил свой основной доклад вопросам охраны природы. В докладе он обращается к идее создания таких заповедников, важнейшей организационной чертой которых является режим неприкосновенности,

когда не должно быть охоты, рубки леса, сенокошения, сбора плодов, а также посевов. «Ничего не надо устранять, ничего добавлять, ничего улучшать. Надо предоставить природе самой себе и наблюдать результаты» ([²³], с. 9). Заповедники задумывались не как места паломничества туристов. Г. А. Кожевников добивался прекращения или сведения к минимуму влияния на заповедники окружающей их среды. Он опасался воздействий близко расположенных к заповедникам поселений и посевов культурных растений, высказывался за то, чтобы заповедники занимали значительные территории и были окружены обширными буферными зонами, что резко контрастировало с идеями создания охотничьих заповедников, где нарушался экологический баланс с целью увеличения численности избранных «полезных» видов. По мнению Г. А. Кожевникова, в заповедниках «всякие меры, нарушающие естественные условия борьбы за существование ... недопустимы» ([²³], с. 8). Он даже возражал против термина «заповедник» в подобных случаях.

Однако такие прогрессивные взгляды на заповедное дело часто противопоставлялись перспективам того, что заповедники будут служить пристанищем для хищников, сельскохозяйственных вредителей и иных «вредных» видов, что неизбежно привело к полемике вокруг планов Г. А. Кожевникова. Первые возражения прозвучали на этом же собрании. Н. Ю. Зограф и Н. М. Кулагин, видные представители утилитарного подхода, указывали, что на охраняемых территориях «может существовать опасность для проживающих рядом местных жителей, поскольку вредители могут размножаться в огромных количествах и ... нанести большой ущерб, распространившись с охраняемых участков на посевы» ([¹³], с. 28).

На II Всероссийском съезде охотников в 1909 г. опять возникла дискуссия в связи с эмоциональным обсуждением предложенного закона об охоте, предусматривавшего сохранение разрешения круглогодичного отстрела большого числа хищников и иных «вредных» животных ([⁴⁵], с. 46—45, 243—248). Г. А. Кожевников получил значительную поддержку своих идей, но в то же время утилитарно мыслящие оппоненты (А. А. Силантьев, В. В. Диц и другие, возглавлявшие заседание) одобрили 32 голосами против 16 резолюцию, поддерживавшую прежнее истребление леопардов, снежных барсов, тигров и волков.¹ Г. А. Кожевников противопоставлял своим оппонентам идею, что не бывает «полезных» и «вредных» живых существ — все они в равной степени важны для поддержания природного равновесия, и «это естественное равновесие является весьма важным фактором в жизни природы» ([²³], с. 373), а «единственная, вполне доказанная причина истребления видов — человек, который своим вмешательством в жизнь природы нарушает ее равновесие» ([²³], с. 374). На довод о возможных всплесках сельскохозяйственных вредителей Кожевников с иронией отвечал, что не природные территории, а возделываемые земли представляют собой благоприятные условия для такого размножения ([⁴³], с. 28).

Программа создания сети экологических заповедников, предложенная Г. А. Кожевниковым, оказала влияние на развитие биологии и управление при-

¹ Кстати, в настоящее время ареал первых трех видов сузился до незначительных площадей, эти виды включены в Красные книги различных уровней. Что же касается волка, то по сей день продолжает действовать прежний порядок «круглогодичного истребления» с выплатой специальных премий. Экологи выступают за продуманное регулирование численности волка с отказом от неоправдавшей себя стратегии «тотальной борьбы», но ученые-охотоведы продолжают настаивать на поддержке административно-государственных мер в этом вопросе.

родными ресурсами в России. Заповедники должны были служить моделями, или эталонами, «здоровой» природы.

На XII съезде естествоиспытателей в 1909 г. Г. А. Кожевников в третий раз представил свои предложения, и его планы были одобрены ведущими российским биологами [13]. Среди замечательных ученых, поддержавших эти предложения, можно назвать основоположника лесной биоценологии Г. Ф. Морозова, крупнейшего лесоведа И. В. Новопокровского, М. И. Голенкина. Ту же позицию вскоре активно развил будущий академик и классик биогеоценологии В. Н. Сукачев в своей работе «Об охране природы Жигулей», где была дана одна из первых программ научных исследований в условиях заповедника [40]. Стало понятно, что природные сообщества живых организмов обладают гораздо более высокой способностью к адаптации, чем сельскохозяйственные культуры, которыми их замещает человек. Желательность создания заповедников с научными целями была поддержана представителями эстетико-этического направления и крупнейшими учеными И. П. Бородиным, А. П. Семёновым-Тян-Шанским. Старший сын знаменитого географа, выдающийся зоолог (энтомолог), уделявший много внимания проблемам охраны природы, А. П. Семёнов-Тян-Шанский опубликовал в газете «Новое время» 11 (24) декабря 1913 г. статью «О заповедниках природы», в которой утверждал, что заповедники должны развернуть широкую и содержательную картину природной гармонии, продемонстрировать свойства природных сообществ, находящихся в равновесии.

Идея создать комиссию именно при ИРГО принадлежала Г. Ф. Морозову и была положительно воспринята И. П. Бородиным [4]. В 1910 г. в статье, изданной в «Трудах Юрьевского ботанического сада», И. П. Бородин предлагал создание специального органа, отвечающего за образование заповедников и памятников природы, причем именно в рамках ИРГО, так как его членами были представители различных естественнонаучных специальностей и оно было широко разветвленной организацией в России. «В виду этого можно было бы предложить образовать при Императорском Географическом Обществе в С.-Петербурге „центральный природоохранительный комитет“ с участием в нем представителей различных заинтересованных ведомств ... В идеале, конечно, представлялось бы желательным образование природоохранительных комитетов в каждой из наших губерний...» [44].

И. П. Бородин в своем докладе на XII съезде естествоиспытателей и врачей в 1910 г. подчеркивал: «...наиболее неотложным представляется мне образование степных заповедных участков... Именно степь, девственную степь мы рискуем потерять прежде всего» [6, 9]. На угрозу диким степям указывал и А. А. Силантьев [36]. Г. А. Кожевников и И. П. Бородин предложили своего рода программу создания заповедников для России. Они предостерегали, что любое промедление в организации заповедников может стать гибельным, принимая во внимание быструю экспансию сельского хозяйства и переселение, вызванное реформами П. А. Столыпина.

Неудивительно, что первые частные инициативы по охране неизменных природных участков сконцентрировались в степных регионах. В. В. Докучаев сыграл важную роль в достижении договоренности о передаче Деркульской степи в ведение Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей в качестве охраняемого участка. В 1898 г. И. К. Пачоский убедил просвещенного землевладельца Ф. Э. Фальц-Фейна выделить и сделать заповедными 500 га дикой степи в своем имении Аскания-Нова в низовьях Днепра. Сходная иници-

атива вскоре была проявлена князем Карамзиным (660 га степи в Самарской губернии), графом Потоцким в имении Пилявин Волынской губернии, графиней Паниной (два участка в Валуйском уезде Воронежской губернии), Донским политехническим институтом (участок степи у Персияновки в области Войска Донского), графом Кочубеем в имении близ Диканьки под Полтавой, а также графом Шереметьевым («Лес на Ворскле»). В течение нескольких лет охраняемые участки природы появлялись в разных географических зонах: в Прибалтике — Вайкасский заповедник в 1911 г. и Морицсала в 1912 г., на Кавказе — реликтовые рощи эльдарской и пицундской сосны, а также в Лагодехском ущелье в 1912 г. (реально начал действовать только в 1930-е гг.) [3, 5, 6, 31, 51].

Стали возникать общественные природоохранные организации. В 1910 г. в с. Хортица Екатеринославской губернии, населенном немецкими колонистами, создается первое в России Общество по охране природы. В последующие несколько лет подобные общества появляются и в других губерниях, а также в столицах.

Создание и работа комиссии. Среди наиболее значительных достижений в природоохранном деле кануна Первой мировой войны стала реализация предложенного И. П. Бородиным проекта создания центрального природоохранного органа под эгидой Императорского Русского географического общества — *Постоянной природоохранительной комиссии*. В 1909 г. на общем собрании ИРГО был заслушан доклад академика И. П. Бородина о необходимости охраны природы России, после чего было решено учредить в обществе природоохранительную комиссию. 5 марта 1912 г. данная комиссия была преобразована в постоянно действующую, и Советом ИРГО было утверждено положение о Постоянной природоохранительной комиссии. В комиссию помимо членов географического общества вошли представители от Академии наук и министерств и ведомств, имевших отношение к вопросам изучения и использования природных ресурсов, что в конечном итоге обеспечивало обмен взглядами между бюрократией и деятелями природоохранного движения. Межведомственный, дискуссионный характер комиссии был предопределен присутствием в ней таких правительственных департаментов, как горный и лесной, считавшихся «естественными врагами» природоохранного движения, а к «дружественным ведомствам» относилась Академия наук. Далее приводятся текст Положения о комиссии и ее состав на момент организации (всего 32 члена комиссии).

Утверждено Советом Императорского
Русского Географического Общества
5 марта 1912 года.

Положение о Постоянной Природоохранительной Комиссии при Императорском Русском Географическом Обществе

1. При Императорском Русском Географическом Обществе учреждается особая Постоянная Природоохранительная Комиссия.

2. Цель Комиссии — возбуждать интерес в широких слоях населения и у Правительства к вопросам об охране памятников природы России и осуществлять на деле сохранение в неприкосновенности отдельных участков и целых местностей, важных в ботанико- и зоо-географическом, геологическом и вообще в физико-географическом отношениях, охранение отдельных видов растений, животных и пр.

3. Для осуществления своей задачи Комиссия входит в сношения с разными ведомствами, учреждениями и лицами и вырабатывает мероприятия, могущие служить к наилучшему

достижению цели, а также содействует образованию местных кружков и поддерживает с ними сношения.

4. В состав Комиссии входят Председательствующий в Отделении Географии Физической, Помощник его и Секретарь Общества, девять представителей Императорского Русского Географического Общества по избранию Совета последнего на 4 года и представители разных ученых Обществ и правительственных учреждений, участие которых будет признано желательным и на назначение которых последует согласие этих учреждений.

5. Комиссия имеет право увеличивать число своих членов по собственному избранию, а также приглашать к участию в работах сведущих лиц не только из числа Членов Общества, но и посторонних — пользующихся в заседаниях совещательным голосом.

6. Комиссия избирает из своей среды каждые четыре года Председателя и Секретаря из числа Членов Общества.

7. Сношения по делам Комиссии производятся или от имени Председателя Комиссии, или от Вице-Председателя Общества, смотря по надобности ([²⁷], с. 752).

Состав Природоохранительной Комиссии в феврале 1913 года

Члены Бюро:

Князь Масальский В. И., Раунер С. Ю., Семёнов-Тян-Шанский А. П.

Члены Комиссии:

Представители от ИРГО:

Богданович К. И., член Совета ИРГО, профессор Горного института

Буш Н. А., действительный член ИРГО, старший ботаник Имп. Академии наук

Воейков А. И., почетный член и член Совета ИРГО, заслуженный профессор метеорологии Императорского Санкт-Петербургского университета

Дубянский В. А., действительный член ИРГО, Консерватор Императорского Санкт-Петербургского Ботанического сада (секретарь комиссии)

Ермолов А. С., почетный член ИРГО, Статс-Секретарь, Член Государственного Совета (председатель комиссии)

Кожевников Г. А., действительный член ИРГО, профессор зоологии Императорского Московского университета

Кузнецов Н. И., действительный член ИРГО, профессор ботаники Императорского Юрьевского университета

Князь Масальский В. И., действительный член ИРГО, Управляющий Отделом Земельных Улучшений

Семенов-Тян-Шанский А. П., действительный член ИРГО, Вице-Президент Русского Энтомологического Общества, Председатель Биогеографической Комиссии ИРГО

Шокальский Ю. М., Председательствующий в Отделении Географии Физической ИРГО

Семенов-Тян-Шанский В. П., помощник Председательствующего в Отделении Географии Физической ИРГО

Достоевский А. А., секретарь ИРГО

Представители от Императорской Академии Наук:

Бородин И. П., действительный член ИРГО, Академик, Директор Ботанического Музея Императорской Академии Наук (товарищ председателя комиссии)

Насонов Н. В., Академик, Директор Зоологического Музея Императорской Академии Наук

Чернышев Ф. Н., действительный член ИРГО, Академик, Директор Геологического Комитета

От Министерства Внутренних Дел:

Лыкошин А. И., Сенатор, Товарищ Министра Внутренних Дел
Брунеман Ю. В., действительный член ИРГО, Старший Редактор Центрального Статистического Комитета
Крафт И. И., действительный член ИРГО, Губернатор Якутской области
Литвинов Я. Я., Управляющий Земским Отделом Министерства Внутренних Дел
От Министерства Народного Просвещения:
Шевяков В. Т., Товарищ Министра народного просвещения
Иностранцев А. А., заслуженный профессор геологии Императорского Санкт-Петербургского Университета, Член Совета Министра Народного Просвещения
Палечек Н. О., Заведующий Разрядом Ученых Учреждений и Высших Учебных Заведений Департамента Народного Просвещения
От Главного Управления Землеустройства и Земледелия:
Граф Игнатьев П. Н., действительный член ИРГО, Шталмейстер, Товарищ Главного Управляющего Землеустройством и Земледелием
Раунер С. Ю., действительный член ИРГО, Вице-Инспектор Корпуса Лесничих, Товарищ Председателя Гидрологического Комитета
От Горного Департамента Министерства Торговли и промышленности:
Хованский Я. И., член Горного Совета
От Императорского Санкт-Петербургского Общества Естествоиспытателей:
Дерюгин К. М., действительный член ИРГО, Секретарь Императорского Санкт-Петербургского Общества Естествоиспытателей, приват-доцент зоологии Императорского Сибирского Университета
Сукачев В. Н., действительный член ИРГО, младший ботаник Императорской Академии Наук
От Русского Энтомологического общества:
Шевырев И. Я., Заведующий Энтомологической лабораторией Лесного Департамента
От Ботанико-Географической Комиссии Императорского Вольного Экономического Общества:
Высоцкий Г. Н., действительный член ИРГО, Член Комиссии по Лесному Опытному Делу
От Лесного Общества:
Морозов Г. Ф., действительный член ИРГО, профессор лесоводства Императорского Лесного Института
По избранию Природоохранительной Комиссией ИРГО:
Звегинцов А. И., действительный член ИРГО, член Государственной Думы
Фальц-Фейн Ф. Э., учредитель заповедника «Аскания-Нова» ([²⁷], с. 753—754).

Председателем комиссии стал министр земледелия А. С. Ермолов, а И. П. Бородин — его товарищем (заместителем) и фактическим руководителем.

К ноябрю 1913 г. в состав комиссии дополнительно вошли: *от Ведомства православного исповедания* Полянский И. И. — постоянно присутствующий член Учебного комитета при Святейшем Синоде; *от Императорского Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей* Каракаш Н. И. — действительный член ИРГО, приват-доцент геологии Императорского Санкт-Петербургского университета; *по избранию Природоохранительной комиссии* графиня Панина С. В. — учредительница заповедника девственной степи в Воронежской губернии; Наумов А. Н. — член Государственного совета; Головин Д. Н. — профессор Московского сельскохозяйственного института ([²⁸], с. 728—730). Позже в комиссию были приняты сыгравшие в дальнейшем значительную роль в природоохранном деле Л. С. Берг, М. И. Голенкин, П. К. Козлов, В. Н. Макаров, И. В. Новопокровский, В. И. Талиев, Д. К. Соловьёв [^{4, 34}].

В 1913 г. природоохранительная комиссия при ИРГО обратилась в свои отделы и подотделы с циркулярным письмом, в котором просила оказать содействие в деле сохранения памятников природы. Начали создаваться региональные отделения комиссии при соответствующих отделениях ИРГО. В частности, в 1914 г. по инициативе природоохранительной комиссии при Оренбургском отделе ИРГО были начаты работы по организации степного заповедника в Кустанайском уезде Тургайской области. В том же году Переселенческое управление выделило местному отделу ИРГО 5000 десятин степных угодий «для обращения в заповедник». Реализацию данного проекта сорвала начавшаяся Первая мировая война [48].

Постоянная природоохранительная комиссия ИРГО была инициатором создания первого закона о заповедниках (1916 г.), в соответствии с которым Министру земледелия «предоставляется образовывать на землях единственного владения казны заповедники для сбережения и размножения охотничьих и промысловых зверей и птиц», причем в генерал-губернаторствах «границы заповедников устанавливаются по соглашению с подлежащими генерал-губернаторами». В границах выделенных заповедников запрещалась любая охота на зверей и птиц ([39], с. 286).

Обеспокоенные судьбой национальных богатств передовые ученые за несколько дней до октябрьского переворота 1917 г. внесли на рассмотрение Государственной думы разработанный ими проект общего закона об охране природы России.

По заданию комиссии Г. А. Кожевников и В. П. Семёнов-Тян-Шанский разработали в 1917 г. первый проект сети заповедников для всей территории России «О типичных местностях, в которых необходимо организовать заповедники по типу американских национальных парков». Следует отметить, что позже, при советской власти, заповедники создавались «сверху» и в ранее определенных местах, поэтому проект к концу 1970-х гг. был выполнен почти на 80 % [34].

Г. А. Кожевников и И. П. Бородин представляли Россию на I съезде «по международной охране природы», состоявшемся в Берне в 1913 г. В своем выступлении на съезде И. П. Бородин подчеркнул: «Россия, занимающая шестую часть земного шара, вполне осознает свои обязанности по отношению к природе и человечеству». В другом своем докладе он заключал: «Сколько бы защитных участков ни устроили у себя наши соседи, они не в состоянии заменить наших будущих заповедников. Раскинувшись на огромном пространстве в двух частях света, мы являемся обладателями в своем роде единственных сокровищ природы. Это такие же уники, как картины, например, Рафаэля, — уничтожить их легко, но воссоздать нет возможности» [8, 10].

Основной целью комиссии было сбережение в нетронутом виде малоизмененных и ценных природных участков, нуждающихся в охране и изучении. По рекомендации комиссии А. А. Силантьевым (возглавлял петербургскую школу охотоведения) был разработан «Проект обследования соболиных районов России в 1913—1915 гг.» с выделением территорий, где этот промысел имел большое значение для местного населения и где местными управлениями Министерства земледелия были намечены заповедники: Верхотурский уезд Пермской губернии; Березовский и Туринский округа Тобольской губернии; Баргузинский уезд Иркутской губернии; Минусинский, Канский и Нижнеудинский округа Енисейской губернии [16]. Главной задачей экспедиций А. А. Силантьев считал разработку проектов первых государств-

венных заповедников для спасения соболей и сохранения природы. В 1913 г. в Департаменте охоты Министерства земледелия состоялось несколько совещаний по этому вопросу с участием видных зоологов А. А. Бялиницкого-Бируля, Н. А. Смирнова и других, уточнивших места работ будущих соболиных экспедиций (дополнительно была намечена для обследования Камчатка) и их программы [52]. Кроме того, по инициативе начальника отдела рыбных промыслов и охоты Главного управления землеустройства и земледелия Департамента земледелия В. К. Бражникова была инициирована экспедиция 1912 г. по созданию заповедника в дельте Волги [17]. Рассматривались предложения по заповедованию участков для охраны соболя в Печорской тайге, в Западном Саяне и других районах России.

Первым в России стал проект организации государственного соболиного заповедника «Матвеевская парма» в истоках рек Колва и Лозьва на Северном Урале в 1912 г., выполненный студентом Императорского лесного института В. И. Белоусовым [2].

Наиболее крупными экспедициями стали Саянская, Байкальская и Камчатская. Д. К. Соловьев в 1914 г. возглавил работы экспедиции по Саянскому заповеднику, земли которого в соответствии с Лесным уставом были изъяты «из пользования населения» в соответствии с Обязательным постановлением иркутского генерал-губернатора от 28.05.1915 г. — за 1,5 года до создания Баргузинского заповедника [19], [39], с. 294). Результаты экспедиции отражены в опубликованном отчете «Саянский промыслово-охотничий район и соболиный промысел в нем» (1920). Начальником Баргузинской экспедиции в 1914 г. был назначен Н. А. Смирнов, но из-за болезни его в последний момент сменил Г. Г. Доппельмайер. По результатам этой экспедиции был опубликован отчет «Соболиный промысел на северо-восточном побережье Байкала» (1926). Руководителем Камчатской экспедиции 1916 г. был назначен С. В. Керцелли, ранее работавший в Архангельской губернии ветеринарным врачом, специалист по оленеводству, позже участвовавший в создании Комитета Севера, Арктического института, ставший директором НИИ оленеводства. Отчет Камчатской экспедиции не был опубликован, но, по свидетельству Д. К. Соловьева, экономист экспедиции Н. К. Лавров самостоятельно издал в Токио в 1923 г. краткий очерк «Пушной промысел на Дальнем Востоке» [26].

Следует отметить, что, несмотря на высокую эффективность этих экспедиций, после принятия в 1916 г. Указа «Об установлении правил об охотничьих заповедниках» в Министерство земледелия было сделано представление только о Баргузинском соболином заповеднике [14]. Всего благодаря усилиям членов Постоянной природоохранительной комиссии ИРГО до революции на территории России действовало три **государственных** заповедника: Саянский, Баргузинский и Кедровая падь; из них только Баргузинский был узаконен официально [14]. Но в целом переломить доминирующий в то время утилитарный подход к охране природы в полной мере не удалось.

В начале 1918 г. Природоохранительная комиссия Русского географического общества опубликовала брошюру видного работника заповедного дела Д. К. Соловьёва «Типы организаций, способствующих охране природы» [38]. Проект Д. К. Соловьёва предусматривал значительное многообразие форм охраняемых природных территорий — 28 типов таких организаций, включая разнообразные заповедники, хозяйства, научные и учебные учреждения, а также «инородческие резерваты» для сохранения уникальных малочисленных народов Сибири, Севера и Дальнего Востока. Работа вызвала горячие научные спо-

ры по классификации охраняемых территорий, но в целом способствовала развитию заповедного дела.

Наследие деятельности комиссии. В связи с реорганизацией Русского географического общества после 1917 г., а с 1930 г. фактическим прекращением деятельности его региональных отделов, а также распадом самой Природоохранительной комиссии влияние РГО (ВГО) на формирование сети заповедных территорий в СССР нивелировалось [42]. Тем не менее на все последующие программы и планы развития охраняемых природных территорий, принятые в СССР и в постперестроечной России, работа Постоянной природоохранительной комиссии ИРГО оказала существенное воздействие. Деятельность комиссии повлияла на инициативу Ф. Ф. Шиллингера по созданию Всероссийской организации охраны природы, временно функционально заменившей комиссию ИРГО [53], работу В. Н. Макарова, руководившего природоохранным движением в его самые черные сталинские годы [30, 46], Комиссии по заповедникам Академии наук СССР, создавшей в 1950-х гг. проект географической сети заповедников страны, включающей около 100 объектов [25], новый перспективный план заповедников СССР, опубликованный в 1974 г. [1], а также на более детальный план 1979 г. [18].

Все более поздние планы всегда учитывали высказанные ранее идеи, а люди, имевшие отношение к комиссии, продолжали реализовывать программу организации сети охраняемых территорий и учить основным положениям природоохранного дела новых специалистов. В результате вскоре после 1917 г. были созданы государственные заповедники: Пензенский (впоследствии вошел в состав Средне-Волжского) (1919), Астраханский (1919), Аскания-Нова (1919), Ильменский (1920), Конча-Заспа (1921), Крымский (1923), Каневский (1923), Воронежский (1923), Кавказский (1924), Березинский (1925), Гек-Гельский (1925), Лес на Ворскле (1925), Галичья Гора (1925), Пицундский (1926), Зааминский (1926), Жигулевский (более позднее название Средне-Волжский) (1927) и т. д.

В 1919 г. был утвержден циркуляр Центрального лесного отдела Наркомзема с указанием на недопустимость рубок в особо ценных лесных массивах и на «площади будущих национальных парков и памятников природы» ([49], с. 95). В том же году возник специальный отдел охраны природы при Наркомпросе, который постепенно объединил все заповедники. В 1921 г. был принят Декрет Совнаркома «Об охране памятников природы, садов и парков», который заложил основы классификации охраняемых территорий. В 1925 г. при Главнауке Наркомпроса был создан Государственный комитет охраны природы, председателем которого стал академик Н. М. Кулагин [34].

В период с 2000 по 2010 г. деятельность по созданию новых особо охраняемых природных территорий почти прекратилась [20]. Вице-президент РГО, директор Института степи УрО РАН А. А. Чибилёв на XIV съезде РГО в 2010 г. предложил воссоздать природоохранительную комиссию [42]. В 2011 г., в канун своего столетнего юбилея, Природоохранительная комиссия была образована вновь. Приоритетными направлениями ее деятельности стали следующие:

- подготовка ежегодного Государственного доклада «О современном состоянии национального ландшафта и объектов природного наследия Российской Федерации»;

- выход с законодательной инициативой, разработка и содействие реализации Закона РФ «О национальном ландшафте России» с объявлением соответствующих номинаций на государственном уровне;

— проведение регулярных (один раз в 3—4 года) Международных конференций «Природное наследие России и сопредельных государств»;

— присуждение золотой медали Русского географического общества им. академика И. П. Бородин за выдающиеся достижения в изучении и сохранении природного наследия России.

К марту 2012 г. планируется составить «Проект стратегии Природоохранительной комиссии РГО», где помимо названных направлений, вероятно, появятся и главное для прежней комиссии «сбережение в нетронutom виде малоизмененных и ценных природных участков, нуждающихся в охране и изучении», а также разработка предложений по формированию и совершенствованию сети особо охраняемых природных территорий на научной основе.

В состав новой Природоохранительной комиссии РГО вошли 19 человек, список которых представлен на сайте РГО (<http://prok.rgo.ru/o-komissii/sostav-komissii/>). Необходимо отметить, что в составе комиссии доминируют руководители научных организаций или их эколого-географических подразделений, в основном — географы, тогда как в советское время в основе идеологии создания заповедников использовался и пока продолжает использоваться «зооцентрический» принцип [41]. Можно надеяться, что заложенные в начале XX в. традиции открытости, взвешенности оценок, научного подхода и результативности в деятельности сохранятся и станут основополагающими в работе воссозданной природоохранительной комиссии, а физико-географический (ландшафтный) принцип создания особо охраняемых природных территорий — доминирующим.

Список литературы

- [1] Банников А. Г., Криницкий В. В., Рашек В. Л. Перспективы организации заповедников в СССР // Охота и охотничье хозяйство. 1974. № 9. С. 26—28.
- [2] Белоусов В. И. Опыт обследования соболиного промысла и промысловой охоты вообще в Чердынском и Верхотурском уездах Пермской губернии // Материалы к познанию русского охотничьего дела. Пг., 1915. Вып. 7. 63 с.
- [3] Белоусова Л. С. Из истории охраны ботанических памятников природы в России // Охрана природы и заповедное дело в СССР. 1960. Вып. 6. С. 30—38.
- [4] Борейко В. А. Дон Кихоты. История. Люди. Заповедники. М.: Логата, 1998. 288 с.
- [5] Борисов В. А. К истории становления советской системы заповедников (обзор) // Научные основы охраны природы. 1971. Вып. I. С. 92—98.
- [6] Бородин И. П. Охрана памятников природы // Труды ботанического сада Юрьевского университета. 1910. Т. IX. Вып. 4. С. 297—317.
- [7] Бородин И. П. Хортицкое общество охраны природы // Труды ботанического сада Юрьевского университета. 1912. Т. XIII. Вып. 1. С. 24—27.
- [8] Бородин И. П. Отчет о командировке в Берн на Конференцию по международной охране природы // Известия Императорской Академии наук. Сер. VI. СПб., 1913. Т. VII. № 18. С. 1065—1067.
- [9] Бородин И. П. Охрана памятников природы. СПб.: ИРГО, Постоянная природоохранительная комиссия, 1914. 32 с.
- [10] Бородин И. П. Мировая охрана природы. Отчет академика И. П. Бородина о командировке в Берн на Конференцию по международной охране природы. Речи и доклады, читанные на конференции по международной охране природы в Берне, в ноябре 1913 г., делегатами от Швейцарии, Австралии, Бельгии, Великобритании, Голландии, Норвегии, России, Сев.-Ам. Соед. Штатов и Франции. Пг.: ИРГО, Постоянная природоохранительная комиссия, 1915. 104 с.

- [11] *Брызгалин Г. А.* О соболиных заповедниках в Сибири // Бюллетень Харьковского общества любителей природы. 1917. № 1. С. 7—10.
- [12] *Вайнер (Уинер) Д.* Экология в Советской России. Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы. М.: Прогресс, 1991. 400 с.
- [13] Дневник двенадцатого съезда русских естествоиспытателей и врачей. Москва, 28 декабря 1909—6 января 1910. Отд. 1. М., 1910. 742 с.
- [14] *Доппельмайер Г. Г.* Соболиный промысел на северо-восточном побережье Байкала. Верхнеудинск; Л., 1926. 639 с.
- [15] *Дохман Г. И.* История геоботаники в России. М.: Наука, 1973. 286 с.
- [16] *Егоров Е. А.* Анатолий Алексеевич Силантьев. М.: Агропромиздат, 1990. 108 с.
- [17] *Житков Б. М.* О промысле и охране птиц в дельте Волги // Материалы к познанию русского охотничьего дела. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1914. Вып. IV. 56 с.
- [18] *Зыков К. Д., Нухимовская Ю. Д.* Размещение сети заповедников на территории РСФСР // Опыт работы и задачи заповедников СССР. М.: Наука, 1979. С. 129—182.
- [19] *Иванов А. А., Калихман А. Д., Калихман Т. П.* Б. Э. Петри в истории Саянского перекрестка. Иркутск: Оттиск, 2008. 260 с.
- [20] *Калихман Т. П.* Реализация территориальной охраны природы в границах Сибирского федерального округа // Съезд Русского географического общества. Сб. науч. работ (электронный диск). СПб., 2010. Т. II. Ч. 2. С. 218—222.
- [21] *Кнорина М. В.* Памятники неживой природы // Охрана природы и заповедное дело в СССР. 1960. № 6. С. 102—110.
- [22] *Кожевников Г. А.* Отчет об юбилейном заседании Императорского русского общества акклиматизации животных и растений. М., 1909. С. 7—9.
- [23] *Кожевников Г. А.* О заповедных участках // Труды Второго Всероссийского съезда охотников в Москве с 17 до 25 ноября 1909 г. М., 1911. С. 371—378.
- [24] *Кожевников Г. А.* О необходимости устройства заповедных участков для охраны природы // Этико-эстетический подход в охране дикой природы и заповедном деле. К.: КЭКЦ, 1999. Изд. II. С. 75 (переиздано из: Труды всероссийского юбилейного акклиматизационного съезда. Вып. 1. М., 1908).
- [25] *Лавренко Е. М., Гептнер В. Г., Кириков С. В., Формозов А. Н.* Перспективный план географической сети заповедников СССР (проект) // Охрана природы и заповедное дело в СССР. 1958. Вып. 3. С. 3—92.
- [26] *Ладыгин А. В., Артюхин Ю. Б.* Кроноцкий заповедник. Времена года. Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2007. 88 с.
- [27] Лесной журнал (раздел Письма в редакцию). 1913. Вып. 3—4. С. 749—754.
- [28] Лесной журнал (раздел Письма в редакцию). 1914. Вып. 4. С. 725—730.
- [29] *Мазурмович Б. Н.* Выдающиеся отечественные зоологи. М.: Учпедгиз, 1960. 428 с.
- [30] *Макаров В. Н.* Государственные заповедники РСФСР и перспективы их развития // Труды Всесоюзного съезда по охране природы. М., 1935. С. 1017.
- [31] *Мальшиев С.* Лес на реке Ворскле // Охрана природы. 1928. № 6. С. 10—13.
- [32] *Насимович А. А.* Научные основы заповедного дела // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1974. Т. 79. Вып. 5. С. 113—119.
- [33] Опыт работы и задачи заповедников в СССР. М.: Наука, 1979. 197 с.
- [34] *Реймерс Н. Ф., Штильмарк Ф. Р.* Особо охраняемые природные территории. М.: Мысль, 1978. 295 с.
- [35] *Семёнов-Тян-Шанский А. П.* О заповедниках природы // Новое время. 1913. 11 (24) декабря. № 13561.
- [36] *Силантьев А. А.* Животные, преимущественно звери и птицы, полезные в сельском хозяйстве // Ежегодник Департамента земледелия за 1912 год. СПб., 1913. С. 651—684.
- [37] Соболиный промысел на северо-восточном побережье Байкала: материалы Баргузинской экспедиции Г. Г. Доппельмайера 1914—1915 гг. / Гос. план. Комиссия Бурят-Монгольской Автономной ССР. Верхнеудинск; Л.: Изд-во Госплана БМАСР, 1926. 639 с.
- [38] *Соловьёв Д. К.* Типы организаций способствующих охране природы // Русское географическое общество. Постоянная природоохранительная комиссия. Пг.: Девятая государственная типография, 1918. Вып. 3. 45 с.

- [39] Соловьёв Д. К. Саянский промыслово-охотничий район и соболиный промысел в нем: отчет Саянской экспедиции Департамента земледелия, работавшей в 1914—1916 гг. под начальством старшего специалиста по промысловой охоте Д. К. Соловьёва. Пг., 1920. 458 с.
- [40] Сукачёв В. Н. Об охране природы Жигулей // Записки Симбирского областного естественно-исторического музея. 1914. № 2. Пг., 1915. С. 35—41.
- [41] Тишков А. А. Организация территориальной охраны биоты и экосистем степной зоны России // Вопросы степеведения. Т. V. Оренбург, 2005. С. 28—38.
- [42] Тишков А. А., Белоновская Е. А., Соболев Н. А. Развитие территориальной охраны природы России как одно из перспективных направлений деятельности Русского географического общества // Съезд Русского географического общества. Сб. науч. работ (электронный диск). СПб., 2010. Т. II. Ч. 2. С. 204—208.
- [43] Труды Всероссийского юбилейного акклиматизационного съезда. Вып. I. М., 1909. 344 с.
- [44] Труды Ботанического сада Юрьевского университета. 1910. Вып. 4. Т. IX. 276 с.
- [45] Труды Второго Всероссийского съезда охотников. М., 1911. 469 с.
- [46] Труды I Всероссийского съезда по охране природы. М., 1930. 223 с.
- [47] Труды I Всесоюзного съезда по охране природы в СССР. М., 1935. 386 с.
- [48] Чибилев А. А., Розенберг Г. С., Тишков А. А. Задачи Русского географического общества в сохранении природного наследия России // Съезд Русского географического общества. Сб. науч. работ (электронный диск). СПб., 2010. Т. I. Ч. 1. С. 104—110.
- [49] Шапошников Л. К., Борисов В. А. Первые мероприятия Советского государства по охране природы // Охрана природы и заповедное дело в СССР. 1958. Вып. 3. С. 92—97.
- [50] Штильмарк Ф. Р. Формирование сети заповедников на территории РСФСР (история и перспективы) // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1974. Т. 79. Вып. 2. С. 142—151.
- [51] Штильмарк Ф. Р. Историография российских заповедников (1895—1995). М.: Логата, 1996. 339 с.
- [52] Штильмарк Ф. Р. О судьбе Саянского заповедника // Страницы истории, 2000. Сайт ЦОДП — «Охрана дикой природы» (www.biocliversity.ru/publication/odp/archive/21/16shtilmark.html).
- [53] Штильмарк Ф. Р., Аваков Г. С. Первый проект географической сети заповедников для территории СССР // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1977. Т. 82. Вып. 2. С. 53—156.

Иркутск
 inba@irk.ru
 kalikhman@irigs.erk.ru

Поступило в редакцию
 25 января 2012 г.